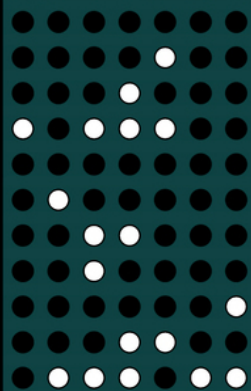

ДМИТРИЙ
ГУБИН

под чертой

ОГОНЁК

Дмитрий Павлович Губин

Под чертой (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379456

Аннотация

Обозреватель «Огонька» Дмитрий Губин, ехидно фиксирующий, как Россия превращается в страну вотчинной автократии, зафиксировал сначала в своих текстах редакторские замены имени «Владимир Путин» на слово «государство», затем отказ публиковать тексты даже с «государством», а затем и предложение уволиться из журнала. Уволившись, он восстановил и собрал вместе сокращенные, измененные и отклоненные тексты, подведя черту и дав соответствующее название книге.

Содержание

От автора	5
1. Клик победы//	8
2. Время радиопассивности//	16
3. Старость не младость//	25
4. Книга не подарок//	33
5. Правила глянца//	42
6. Старики, разбойники//	51
7. По моему хотению//	61
8. Общество лоялистов//	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дмитрий Губин

Под чертой

Опубликованное и зарубленное в «Огоньке»

77 текстов

2011–2014

Обложка: человек-заяц Алек Петук <https://vk.com/alekretuk>, которому автор крайне благодарен за помощь.

От автора

Летом 2014 года я уволился (меня уволили) из «Огонька» – журнала, к которому меня периодически прибывало, как плавун к берегу, начиная с 1988-го, с большой эпохи, которой «Огонек» был провозвестник и пророк, а тираж достигал 5,000,000 экземпляров. Удостоверение мне подписывал Коротич.

Увольнение я разобрал его как кейс для студентов журфаков в своем ЖЖ (<http://dimagubin.livejournal.com/175692.html>). Если кратко – я к тому времени устал писать для издания, у которого в 2010-х не было никакой платформы, кроме невнятицы про «журнал семейных ценностей». Хотя типов семей к тому времени стало множество, от традиционной однополой (мама, бабушка, ребенок) до нетрадиционной.

Мне хотелось писать по-другому и про другое, нежели про «социальные проблемы» в ключе интеллигентского нарратива, за который, правда, всегда хвалил мои тексты щедрый на похвалы Быков. Однако этот повествовательный стиль измучивал меня, как тугая резинка в советских семейных трусах.

А моих коллег, сросшихся со своими трусами до переноса удара, раздражало мое раздражение. И когда с главредов «Огонька» сняли Виталия Лошака, являвшего собой по типажу европеизированного зав. международным отделом ЦК

КПСС, важными чертами которого были любопытство до чужого таланта и соблюдение правил гигиены, стало ясно, что мне долго не жить. Рубили уже не тексты, а темы.

Доходило до анекдотов. Собираясь в отпуск во Францию (любовь к этой стране подвигла меня уже взрослым выучить французский), я предложил написать про то, кто и какие русские книги покупает в Париже. Семейнее тему трудно придумать. «Мы это печатать не будем», – процедил сквозь усы человек, занявший место Лошака. Его раздражал я как таковой, а я в Париже раздражал особенно, а он не хотел, чтобы его хоть что-то раздражало.

В общем, вот вам сборник очерков, опубликованных и не опубликованных в «Огоньке» с 2011-го по 2014-й. Хронологически тексты продолжают вышедшую в издательстве Ивана Лимбаха в самом конце 2011-го книгу «Налог на Родину»: <http://www.litres.ru/dmitriy-gubin/nalog-na-rodinu-ocherki-tuchnyh-vremen-2/>.

«Налог на родину» завершается очень важным текстом «Интеллигенция и революция», который я тогда не смог опубликовать не только в «Огоньке», но и вообще нигде. Эта книжка также завершается важным текстом «Язык рейха и пена дней» (о том, как язык отражает общественные перемены), который тоже нигде оказалось невозможным опубликовать.

И в этом можно увидеть, конечно, утешительную стабильность.

ДГ

1. Клик победы//

О том, в чем интернет не совпадает с Россией

(Опубликовано в «Огоньке»
<http://kommersant.ru/doc/1606624>)

Если завтра Рунет отделится от России, его президентом выберут Навального, министром культуры назначат Экслера либо Гельмана, а фоторепортаж обо всем этом сделают Варламов и Норвежский Лесной.

Впрочем, что это я глупости пишу – «если»? Рунет и так живет отдельно от России. Там читают ЖЖ «своего» Марата Гельмана, но никто не знает ЖЖ «чужого» министра культуры Александра Авдеева; там твиттер «своего» президента посылает твиттеру «чужого» президента издевательское: «Дмитрий Анатольевич, даже если м...к, из-за которого стоят «скорые помощи» – не вы, у меня для вас плохие новости».

Велико ли население Рунета? Одних блогеров 40 миллионов.

В каких отношениях Рунет с Россией? Холодной войны: то есть непрерывной атаки Рунета и ледяного молчания в ответ.

Россия со всеми своими федеральными вертикалями делает вид, что блоги и социальные сети – удел лузеров, графоманов, дурачков, которым делать нечего, как надув щеки, выстукивать по «клаве»: «Вот, решил завести ЖЖ. Пока не знаю, что написать. Всем превед!»

А Рунет потешается над Россией, где существует телевидение, рассчитанное на мозги хомячков, которым все равно не покажут обошедший Рунет клип, где кремлевский кортеж мчится по пустому Кутузовскому, а несколько «скорых», включая реанимобиль, дожидаются, пока им разрешат тронуться с места. Собственно, на этот клип *перзидент* России и намекал.

И хотя Россия реальная делает вид, что России виртуальной нет, она все чаще импортирует у Рунета новости, документы, фотографии, скандалы и разоблачения, потому что Рунет по своим каналам мгновенно передает информацию от своих добровольных репортеров, обозревателей, аналитиков, удивительным образом воплощая ленинскую идею о массовом корреспонденте. Например, Николай Данилов, известный как Норвежский Лесной, просто выкладывает в своем ЖЖ день за днем снимки, образующие мозаику жизни – и благодаря этой честной работе он популярен, как в свое время были популярны Картье-Брессон, Генде-Роте и

Свищов-Паола, вместе взятые. (Один из последних снимков Лесного – городская улочка, на стене намалевано граффити «Россия для русских!», только «для русских» зачеркнуто и написано: «для людей»). А недавно в первые ряды фотографов Рунета стремительно – за пару месяцев – ворвался совершенный мальчишка Илья Варламов. Он сделал репортажи о лесных пожарах и о погромах на Манежной, а в перерыве – репортаж из кабинета Вячеслава Суркова, обильно обставленного номенклатурными кунштюками вроде «вертушек» АТС-1 и АТС-2. (Как попал Варламов к Суркову? Спросите Суркова: власть любит порой играть с талантами в поддавки, рассчитывая в будущем на взаимность). В реальной России, на федеральных телеканалах, такой репортаж разве возможен?

Рунет наступает не только потому, что выигрывает в оперативности: первые сообщения о взрыве в Домодедово (вместе с видеороликами) оказались в твиттере через пару минут: их передали прямо из аэропорта. А телевидение несколько часов молчало, поскольку вместо новостей привыкло заниматься пропагандой, а пропаганда – это не когда ты делаешь новости, а когда тебе говорят, что и как делать.

Рунет наступает не только потому, что там нет цензуры, начальства, репрессивного аппарата, а также необходимости под шапкой «Единой России» обслуживать частные интересы людей, уверяющих, что они и есть государство.

Но и потому, что качество тамошних героев и кумиров –

иногое свойства, чем вне интернета.

Что такое кумир и герой в реальной жизни? Бизнес-продукт, созданный путем маркетинга, то есть упаковки и раскрутки. Перестаньте оплачивать рекламу – все, умер кумир. Возобновите оплату – и снова курилка жив. Деньгами смерть поправ.

Но мы еще не осознали, что каждой эпохе не просто соответствует своя информационная среда, но и что технические параметры этой среды отбирают, вышелушивают идеологию эпохи из нескольких возможных.

Расцвет консьюмеризма стал возможен – я убежден – благодаря свойствам ТВ, которое доносит картинку до миллионов, но исключает обратную связь, благодаря чему изображением легко манипулировать. Телевидение идеально для рекламы: все ярко, понятно, эмоционально – и никаких в ответ контраргументов. Телеэкран крив по своей физике, я даже не про умысел посаженных управлять экраном людей. И, кстати, прямые эфиры, предоставление слова оппонентам, опросы и голосования во время эфиров – это инструменты не либерализма, а исправления врожденной телевизионной кривизны. Телевизор – главный идеолог общества потребления, ему по природе свойственно информацию превращать в продукт: сиди, лопай и не возражай, потому что твое возражение все равно не услышат.

Интернет-среда – физически другая. Сила Рунета не в оперативности, не в мультимедийности, не в широте охвата,

а в доступной мгновенно обратной связи. Социальные сети так популярны не потому, что дают возможность рассказать о съеденном завтраке и любимом коте. А потому, что подразумевают ответ, общение, спор, выстраиваясь по силовым нитям общих интересов. Герои, кумиры, любимцы и баловни интернета – от Божены Рынска до Татьяны Толстой, от Алекса Экслера до Антона Носика – это люди, прошедшие публичную проверку на вшивость. То есть подтвердившие, как минимум, две вещи:

- 1) что действуют ради идеалов и идей, а не меркантильного интереса;
- 2) что готовы к публичной критике этих идей – и, кстати, своего поведения.

Если вы заглянете на сайт к Алексу Экслеру (7 миллионов просмотров в месяц), то обнаружите там тьму обзоров электронных устройств, которые присылают Экслеру их продавцы и производители, но не найдете ни одного обзора (хвалебного или разгромного), который бы Экслер писал, кривя душой. Экслер – наш общерунетовский ОТК, по отношению к которому стать ОТК может каждый: для создания аккаунта в твиттере или ЖЖ денег не нужно.

Еще раз подчеркну: все думали, что интернет – это гаджет, игрушка, благодаря которой можно делать то, что раньше делалось посредством книг, прессы, радио и ТВ, только веселей и прикольней. А оказалось, что интернет – это обмен информацией во всех направлениях, и что это коллек-

тивный рентген для информации. Потому что среди миллионов пользователей легко находится тот, кому есть что сказать, и кто щелчком мыши уничтожает вруна. Причем уничтожить ответ уничтожителя невозможно: поисковые системы сканируют интернет-пространство, запоминая все. «Вечная память» – это про интернет.

Попытки игнорировать свойства среды обречены. Пару лет назад ЖЖ завел Виктор Алкснис – депутат и «красный полковник». Не знаю, что он при этом думал – может, всерьез полагал, что статус депутата и в интернете дает неприкосновенность. В блог же ему мгновенно накидали горяченьких комментариев. Алкснис в ответ грохнул кулаком и заявил, что подаст на хулителей в суд – это с точки зрения Рунета был жест до предела непристойный, ибо в Рунете судят и рядят только словами. В итоге Алкснис из героя превратился в политический анекдот.

Пример посвежей – глава фонда «Федерация» Владимир Киселев, который, оправдываясь после скандала с якобы благотворительным концертом своего фонда, завел ЖЖ, наивно рассчитывая, что слова его не рассмотрят под лупой. Рассмотрели под микроскопом: выяснили, например, что концерт с Путиным и Микки Рурком прошел за три недели до официальной регистрации фонда. Что хотя на детишек денег так и не собрали, но фуршет с икрой и шампанским провели. И что Киселев врет, утверждая, что на банкете не был – стерты было фотографии как раз и выудили из памя-

ти поисковиков. И что врун – минимальный эпитет, которым Киселева можно наградить.

Даже главный разоблачитель коррупции Навальный, хочет он или не хочет (надеюсь, хочет), должен принимать вызовы на публичные дискуссии.

И Толстая с Рынска должны, собачась, прояснять взгляды на мораль под обстрелом сотен комментариев, включая и те, что не дело дам публично собачиться.

Интернет – это тысячекратно усиливаемая глотка, но и, в качестве противовеса, миллионы глаз.

У Димы Быкова есть такое стихотворение: «А мне никогда ничего не прощали. Ни юноша бледный, покрытый прыщами, ни старец в алмазном венце седины, – никто не давал мне платить в полцены. В расчет принималась любая ошибка, от запаха пота до запаха «Шипра», от крупных обид до таких мелочей, которых бы взгляд не заметил ничей». Это – про жизнь в интернете.

Собираетесь совершить в интернете подвиг? Будьте готовы и к чистке с песочком, и к промыванию косточек с мылом: может, поэтому Быков ЖЖ и не ведет, ограничиваясь романом «ЖД». Зато в отношении тех, кто прошел песок, мыло и электронные трубы, можно сказать следующее: ими руководят идеи, а не материальные интересы; они слушает всех, но и подотчетны всем; и все равны, и всеми движет справедливость.

Кажется, за это и шли на баррикады в 1991-м.

2011

2. Время радиопассивности// О том, когда и от какой болезни умрет радио и что его заменит

(Опубликовано в «Огоньке» под
заголовком «Два мира – два эфира»
<http://kommersant.ru/doc/1611288>)

В конце апреля прекратила вещание на русском языке Всемирная служба Би-Би-Си. В России к этому отнеслись примерно как к случившейся в те же дни смерти Элизабет Тейлор.

Ну да, были времена, красавица блистала – и миллионы человек с ума сводила. Кончилась эпоха. Кто сейчас слушает сквозь треск коротковолновых помех Севу Новгородцева? Кто готов смотреть «Клеопатру»?

Би-Би-Си вещала на русском с 1941-го. Век радио, получается, короче женского. Русское Би-Би-Си теперь живет на сайте в интернете – и руководит им молодой парень Дима Шишкин, который и до кресла босса занимался не эфирами, а BBC online, то есть интернетом.

«Были бы у Би-Би-Си в России fm-частоты, пожили бы

еще», – пожимают плечами те, кто немного разбирается в радио. (А те, кто в радио разбираются хорошо, знают, что fm-частоты иностранному вещателю в России получить нельзя, поскольку радиостанция, на которую в принципе нельзя нажать из Кремля, представляет угрозу Кремлю, называемую «угрозой информационной безопасности России». По перестройке многие российские станции с охотой ретранслировали Би-Би-Си и «Свободу» – это качественное радио; в 2000-х после нескольких скандалов и угроз отнять лицензии с этим было покончено).

«Да и на fm-частотах они трепыхались бы в самом низу рейтинга, как какое-нибудь радио «Орфей». Музыка нет. Проблемы обсуждают мировые да европейские. Кого, блин, в России волнует резня в Дарфуре? Два прихлопа, три прихлопа – на каждую точку зрения нужен оппонент. Не наш менталитет», – уверяют коллеги в руководстве государственных радиостанций, многие из которых раньше гоняли в Лондон с завидной частотой, и в Буш-хаусе, штаб-квартире Всемирной Службы Би-Би-Си, подписывали договоры о сотрудничестве.

На все это и правда нечего возразить.

Но добавить кое-что к этому можно.

Дело в том, что Русская служба Би-Би-Си не столько умерла, сколько пошла по пути, который предстоит большинству российских станций, царствие им интернетово.

Эти станции живы лишь потому, что у нас всюду на доро-

гах пробки, а в автомобилях – радиоприемники для fm-частот. Очень быстро эта технологическая схема кардинально изменится и изменит текущие рейтинги, которые при ознакомлении с ними наивной души заставляют душу вопить нечто вроде: «России больше не жаль!»

* * *

Ознакомьтесь: сегодня в Москве в fm– и УКВ-диапазонах вещают 5 десятков радиостанций, что само по себе анекдот. В Лондоне, с его куда более жирным рекламным пирогом, радиостанций вдвое меньше, причем туда входят и локальные станции, с маломощными передатчиками, обслуживающие community, сообщество одного-двух районов. Получается забавно: начав утренний джогинг в Кенсингтон-гарденз, слушаешь живой концерт шумовой музыки (бутылки с водой, пила, крышки от кастрюль) для жителей Бромптона и Кенсингтона. А добегаешь до Гайд-парка – все, кончились кастрюли, ищи на другой частоте прелюды Шопена для жителей Мэйфера...

Так вот, самые популярные в Москве радиостанции, согласно рейтингам компании TNS, которую многие по-старинке зовут «русским Гэллапом», – «Авторadio», «Русское Радио», «Шансон», «Европа Плюс», «Ретро FM». В Петербурге (30 станций) – с огромным отрывом «Дорожное радио», далее «Европа Плюс», «Ретро FM», «Русское радио»,

«Авторадио». В целом по России – «Европа», «Русское», «Авто», «Ретро», «Дорожное».

Причем стремительный взлет питерского «Дорожного радио» показателен. Не знаю, дорогие товарищи, приходилось ли вам хоть раз эту недавно созданную станцию слышать. Так вот, представьте, что с «Шансона», «Русского», «Ретро» и «Авто» взято самое вторичное, вульгарное, бандитское и неизменно связанное с бандитским сентиментальное, – и получите «Дорожное». «Наш свадебный салат, Платье подвечное И этот сервелат Буду помнить вечно я. Эх, два кусочка колбаски У тебя лежали на столе; Ты рассказывал мне сказки, Только я не верила тебе». Что называется, гигиенический пакет находится в спинке впереди стоящего кресла.

Я знаком с Сергеем Ямщиковым – одним из создателей «Дорожного радио» и его вице-президентом. Поверьте, это интеллигентнейший человек, трудоголик, способный часами рассказывать, как запускаются в ротацию песни на основе тестирования в фокус-группах. Мне показалось, что он сам слегка ошеломлен тем, с какой силой проект радио для дальнобойщиков стал популярнейшей помой... в смысле, столовкой, в которой, похрюкивая, причмокивая и требуя очередного кусочка колбаски, кормится полстраны. Нет-нет, я не подвергаю сомнению права пацанов на «КАМАЗах» любить песню «Шашлычок под коньячок – вкусно очень», но и оставляю за собой право думать об этом то, что я думаю. Когда я спросил Ямщикова, понимает ли он, что за «Дорожное»

ему в аду уготована самая жаркая сковородка, если только он не создаст радио атональной музыки, – Сергей Владимирович, отводя взгляд, ответил, что да, над одним некоммерческим проектом они сейчас думают, – в общем, битва за душу Фауста покуда идет.

Так вот, все эти свидетельства популярности радиостанций с дурной и попсовой музыкой, включая, на мой вкус, и «Европу Плюс», где крутится только то, что гарантированно приносит деньги, я привожу не затем, чтобы ужаснуться тому, что с русскими людьми случилось за последние 10 лет. Хотя ужасаться следует тоже.

А затем, чтобы подчеркнуть изменения самой аудитории радио. Молодые, прогрессивные, продвинутые, образованные и прочие люди сегодня радио не слушают вообще, – точно так же, как не смотрят федеральные телеканалы. Остановите студента или старшекласника с «бананами» в ушах – у него играет не радио, а mp3-плеер, где записан, может быть, даже подкаст, то есть выложенная в интернете программа (мои подкасты, например, есть на портале «Подстанция»: <http://www.podst.ru/blogs/123/>). Людей, сформированных свободным выбором – хотя бы между плеером и радио – мало интересуют российские станции, заточенные под бюджеты рекламодателя, а не мозги слушателя, работающие под объединенным (включая и редкие станции джазовой и классической музыки) девизом «Передаем только то, подо что танцевала еще твоя мама» (у битлов была такая песенка,

Let's all get up and dance to the song that was a hit before your mother was born, – знали бы они!)

Радио сегодня – удел бомбил на «жигулях», водителей маршруток, дальнобойщиков, проводников в поездах дальнего следования и домохозяек всех возрастов, прикованных к кухне, где между кастрюлей и сковородкой скворчит из древнего репродуктора «Радио России» (десятая часть всех радиослушателей Москвы и седьмая – Петербурга, кстати).

А ощущение, что «радио слушают», возникает, поскольку есть пробки и есть автомобили с радиоприемниками, которые волей-неволей от пробочной тоски приходится включать (но тут картина другая – автовладельцы нередко предпочитают информацию и новости музыкальной попсе: вот почему у «Эха Москвы» в столице шестая по объему аудитория).

Но, скоро, повторяю, и это изменится. Все пойдет – и все пойдут – в сторону Би-Би-Си.

* * *

Куда пойдут?

А поговорите с моей женой, она расскажет.

На день рождения я подарил ей айфон, и вскоре она уже рыдала от подарка в два ручья, и отнюдь не слезами счастья. Дело в том, что мы с женой по утрам бегаем, и она во время бега вокруг Петропавловки слушает то джазовое радио «Эрмитаж», то «Эхо» (я сам предпочитаю аудиокниги). А в

дорогом и дико технологичном айфоне функции радиоприемника не оказалось. Совсем. Хотя она есть даже в самых дешевых мобильниках за 700 рублей.

Жена рыдала до тех пор, пока не поняла, что вместо 30 пиратских радиостанций может на айфоне выбирать из 3 тысяч станций, или даже, бог его знает, из 300 тысяч. Айфон принимает радио через интернет, а там любые мелодии и ритмы, новости и языки, хочешь – слушай ча-ча-ча 70-х, а хочешь – атональщика Шёнберга, хочешь – BBC Radio 4 на английском, хочешь – Telerama Radio на французском. Я себе айфон покупать пока жмотничаю, но дома давно слушаю радио только через интернет: программа iTunes настроена на 30 штук только блюзовых станций (а помимо iTunes, есть сотни транслирующих программ).

И эта ситуация свободного выбора меняет все положение дел на радиорынке, уничтожая рынок «форматных» станций и образуя рынок идей. Дайте только развиваться быстрым сетевым 3G, позволяющим качать звук через интернет, а автомобилям обзавестись интернет-приемниками. Это быстро очень произойдет: наверное, быстрее, чем музыка с CD перекочевала на флэшки.

Когда радиостанция «Вести ФМ» разорвала со мной контракт по причине (их версия) «эстетических разногласий», я получил несколько предложений профинансировать создание собственной станции. Я поблагодарил, но отказался, объяснив, что эфирное радио требует гигантских затрат, ли-

цензий, частот, к чему прилагается пристальный взгляд из-за стены с зубцами (некоторые руководители действующих радиостанций говорили напрямую: «Мы с удовольствием бы дали тебе прямой эфир, но боимся проблем»).

А как только приемники, подобные айфону, будут в каждой второй иномарке, – я с удовольствием предложу предложение при-му, и буду вести утреннее шоу по интернет-радио прямо из квартиры, сидя на табуретке на кухне, и еще посмотрю, у кого будет выше рейтинг, у меня или у «Вестей».

* * *

Хочу заверить вас, что все описанное не фантастика и даже не прогноз: это реальность, выглядящая фантастической только для тех, у кого нет интернета, который представляет собой не столько технологию, сколько философию индивидуального свободного выбора.

Вот это торжество идеи частного, честного и свободного выбора и оценили, как мне кажется, на Би-Би-Си, закрывая эфирное вещание. Время директивного и селективного распределения информации – официозной или неофициозной – прошло. Я знаю, что у Би-Би-Си сейчас сокращение бюджета, сокращение штата, и вообще предстоит переезд из исторического Буш-хауса в новое здание, – но это все же повод, а не причина. Если твоя миссия – честное, беспристрастное, объективное распространение информации, то реализовать

ее сегодня можно куда дешевле, проще, технологичнее.

К этому, кстати, приходят и на других зарубежных информационных распределителях – «Немецкой волне», «Свободе», «Голосе Америки» (там эфирное вещание прекратили в 2008-м). Формат распределителей и приемников устарел. Дневная аудитория маленькой московской радиостанции «Финам ФМ» составляет всего 100 тысяч человек. Однако когда там прошли дебаты Навального с единороссом Федоровым, в которых Федоров был показательно бит, запись через интернет прослушало еще около 700 тысяч человек.

А потому я с садомазохистским удовольствием слежу за тем, как из российского бюджета – то есть из моего кармана – выделяют очередные безумные миллионы на очередной информационный распределитель с целью, как водится, создания положительного облика страны за рубежом.

Два мира – два эфира.

Есть сомнения, кто победит?

2011

3. Старость не младость// О том, как в России проходят границы между поколениями

(Опубликовано в «Огоньке»
<http://kommersant.ru/doc/1610557>)

Меня спросили, можно ли отнести Алексея Навального к поколению «молодых политиков». Я расхохотался сразу по двум причинам (вторая – что Навальный сейчас всюду: уютюг включишь, а там Навальный). А потом бросился к книжной полке.

Меня давно занимал вопрос о поколениях.

И, верно, не меня одного.

Журнал GQ лет шесть назад – а это журнал, как парус, чуткий к ветру моды – делал целый номер про поколения. Мне пришлось отдуваться за свое. Простите, товарищи дорогие: не нашел ничего лучше как написать, что ни с каким поколением связать себя не могу (и это правда было лучшим, что я мог написать). А потом промямлил, что-де мой 1964-й год рождения был последним вагоном брежневского поезда, в тамбуре которого мы могли безопасно корчить ро-

жи режиму, любяясь полоской зари, называемой словом «Запад». Мы лихо, на полном ходу, в старших классах проскочили между двумя партсъездами («исторические решения» одного уже канули в Лету, а другой «исторический» еще не случился), и нам почти не пришлось зубрить муть про «коллективную мудрость ЦК КПСС и лично Леонида Ильича». Фраза же «исторически не сложилось» среди однокурсников долго ходила в качестве отмазки, чтобы не вдаваться в детали, отчего не пришел на первую «пару». Нас даже в армию не забрали с учебы, как загребли следующие курсы, где были Димка Быков и Саша Терехов (последнему армия позволила написать книгу «Это невыносимо светлое будущее» – сильнейший путеводитель по аду, где из несформированных людей делают окончательных мразей, называя это «превращением в настоящих мужчин»).

Ну и что? Что объясняют год рождения и вешки времени на нашем пути? Моими однокурсниками были и Дима Рагозин, и Сережа Пархоменко, так у них лишь воспоминания общие, даром что оба учились на международном отделении. А в системе идей и в методе рационализации действительности, то есть ее приручения (ну, это как Менделеев своей таблицей приручал химический хаос) – в моем возрастном срезе общности никакой.

Хотя до этого поколения, сменяющие друг друга, то «физиков и лириков», то «дворников и сторожей», не говоря уж про «шестидесятников», делали это с убедительнейшей оче-

видностью. Которую подтверждало даже внутреннее деление на диссидентуру и слуг режима: конечно, это были враги, но враги в одной системе координат.

И редкой точности поэт Давид Самойлов, называвший круг поэтов, навсегда сформированных войной (Левитанский, Слуцкий, Окуджава) «поздней пушкинской плеядой», не просто так возвращался к своим знаменитым «сороковым, роковым». И под конец жизни называл менявшие друг друга времена «пятидесятыми полосатыми», «шестидесятыми дрожжевыми», «таинственными семидесятыми», «восемидесятыми межевыми». И – мое ухо слышит – точности в последних определениях не находя. Потому что правило смены поколений при Горбачеве дало трещину. И это мне кажется важным подчеркнуть.

Второе, что важно – это что границы поколений у нас пролегали не по годам рождения, а по другим межам: я, например, долго (и ошибочно) считал, что по профессиональным – типа, «поколение молодых физиков». Мы ведь легко называем отметившуюся книжечкой женщину под 30 «молодой поэтессой», хотя этому юному дарованию поздно участвовать даже в программе льготного кредитования молодежи. Или, вон, режиссер Звягинцев был зачислен в «молодые» после фильма «Возвращение», когда ему стукнуло 39! Мы с ним ровесники, – но меня «молодым журналистом» отчего-то четверть века как не зовут.

А третья важная вещь – это то, что в европейских странах

такой поколенческой сепарации, как у нас, я не наблюдал. Даже 1968-й во Франции был, как меня уверяли, годом перелома идей, а не молодежного бунта: просто студенты выходили на улицы, а их родители переживали смену эпох, оставаясь дома с газетой. Европейская тусовка вообще в возрастном плане куда более разнообразна, чем наша: в кафе, в ресторане, в клубе, в горах *argès ski*, – все попеременно: и стар, и млад. Однажды в Куршевеле в разгар «русского сезона» в торговой галерее я встретил роскошного седовласого господина: он неспешно проплывал мимо витрин, куря сигару, с белым бульдогом на поводке. Ночью я увидел его за диджейским пультом в клубе: он был, оказывается, резидентом парижского Buddha Bar – вертел диски, чем в России занималась исключительно молодежь.

Словом, повторяю, российские стратификация и смена поколений (нередко мучительная – взять «шестидесятников», одним махом из романтических мечтателей перескочивших в «демократы с кашей в бороде»), есть некий феномен, одного плана с «молодыми дарованиями», которым может быть сколько угодно лет. (Да-да, совсем забыл: «поздняя пушкинская плеяда» Самойлова-Левитанского-Слуцкого была «молодой» по отношению к Евтушенко-Вознесенскому-Рождественскому, которые после стадионного успеха мигом стали взрослыми поэтами). И я – как, возможно, и вы – все пытался феномен разъяснить, и ходил кругами, да как-то мимо.

И вот, после вопроса о «молодом политике Навальном», какая-то логическая цепочка замкнулась. Хотя понятно, что словосочетание «молодой политик» в нынешней России само по себе смешно. Кто у нас реальные политики, то есть идеологические выразители экономических интересов – я понятия не имею, они скрыты во тьме такой, что меркнет Мордор. Видны лишь их проекты, скажем, молодые спортсмены-чемпионы в Думе: Кабаева, Сихарулидзе, Хоркина. Крайне дисциплинированные и действительно юные (большой спорт нередко консервирует своих героев в психологическом развитии на уровне подростков: таков и симпатичный отчаянной искренностью Антон Сихарулидзе, но таков и Владислав Третьяк). Видимо, кто-то из тех, кто скрыт во мраке, тоже подметил это и создал проект «молодые чемпионы в «Единой России», но это не поколение, а просто проект. Который будет существовать столько, сколько это потребуется Тому-Кто-Скрыт, или столько, сколько просуществует сам Тот-Кто-Скрыт.

А когда цепочка замкнулась, я, повторяю, побежал к книжной полке. Недавно питерское «Издательство Ивана Лимбаха» (славное тем, что тщательно отобранные книги выпускает на исключительного качества бумаге) издало сборник старых, «перестроечных» статей социологов Льва Гудкова и Бориса Дубина из «Левада-центра». Некоторые статьи устарели до степени исторического свидетельства, но многие оказались как вчера написаны. Листаю – ага, вот.

«Для человека с чувством исторического времени... поколение существует только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в письменной культуре; те же, кто по тем или иным причинам этого не совершил, не стали поколением и до сих пор остаются молодыми, несостоявшимися. Поэтому... иные сорока-пятидесятилетние авторы донине называемы и называют себя молодыми, ведь они только «входят» в литературу, в культуру».

Статья называлась «Литературная культура» и посвящалась анализу книгоиздательства в СССР: Госкомиздат, верховный распределитель, невольно задавал рубежи, отсчитывая возраст поколений от первой публикации, а шире – от первого разрешения выйти на публику.

А возрастная общность была способом добиться такого разрешения, поскольку добиваться чего-то проще не в одиночку, а толпой. Гудков с Дубиным вообще интересно объясняют механизм отечественной истории, когда все перемены совершаются всегда скачком и непременно «сверху». Он напоминает работу двухтактного двигателя. На первом такте молодое поколение впитывает новые идеи, которые негде выразить, потому что на информационных распределителях сидит поколение ретроградов-стариков. Потом, когда старшее поколение вымирает, следует второй такт: меняется руководство распределителей, и слово в одночасье дается «своим». И так поколение за поколением, век за веком.

Мой год рождения не стал поколением, потому что рухну-

ла система распределителей, и «молодыми» оказались разом все, которому было что сказать. В «ровесниках» оказались и Быков, и Губерман, и Лев Лосев. Оказалось, новые идеи могут проникать в общество в индивидуальном порядке.

А потом, когда политический и телевизионный распределители восстановили (телевизионный – как департамент политического), стало казаться, что российская скачкообразность истории восстановлена тоже. Отсюда и уныние, ставшее чуть не массовым среди вполне успешных людей: «Господи, снова как при Брежневе... Сколько лет еще будет Путин? Эдак мы умрем раньше, чем он!»

Политик Навальный, которого не записать ни в юное, ни в молодое, ни в зрелое, ни в старое поколение, и у которого есть только свой личный возраст – возможно, самое приятное свидетельство того, что прежней скачкообразности уже не будет. Информационная среда другая, и этой средой вполне можно пользоваться. И значит, что русское общество – довольно отсталое и социально, и культурно – может развиваться куда более плавно, вне поколенческих смен.

В конце концов, «всякая стадность – прибежище неодаренности, все равно верность ли это Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно».

Соловьев имеется в виду Владимир, но не Рудольфович. Цитата все-таки из «Доктора Живаго».

2011

4. Книга не подарок// Об опасности преклонения перед литературой

**(Опубликовано в «Огоньке» под
заголовком «Читать не вредно»
<http://kommersant.ru/doc/1628793>)**

Литературоцентричность и вера мыслящих русских людей в художественное, так сказать, слово вовсе не означает силу русской мысли. Поклонение литературе, как и пресловутая «духовность», скрывает, с моей точки зрения, пустоту.

У одного парня в нашей петербургской компании был день рождения, мы скинулись на электронный ридер, и меня попросили составить список книг, которые в подарок следует загрузить, дабы даримое персонифицировать. Тоже мне, вопрос! Из наших: Улицкая, Пелевин, Терехов, Быков, Сорокин, Шишкин, плюс малоизвестный, но входящий в моду Аствацатуров. Из ненаших: Мишель Уэльбек, Агота Кристоф, Брет Истон Эллис, Орхан Памук, Роберт Харрис. Когда список был закончен, мне сказали: «Ты молодец! А мы

вот загниваем, так мало читаем, так стыдно...»

Это ужасно, – то, что мне сказали. То есть ужасно не то, что люди мало читают, а то, что полагают чтение художественной литературы обязательной отметкой правильной и, не сомневаюсь, духовной жизни. Русские образованные люди невероятно литературоцентричны. И невероятно этим гордятся. Кто «Каштанку» не прочел – тот не человек. Книга – учитель жизни. Литература – оплот морали. Нам же с детства внушали, разве не так?

Да абсолютно не так! Литература не влияет на общественную мораль, – иначе бы нация, воспитанная на Гете и Шиллере, в XX веке не утопила полмира в крови, а нация, впитавшая с молоком матери белозубые стишки Пушкина, плюс романы моралиста Толстого, не плодила бы рабов и не занималась бы из века в век самоуничтожением. Те люди, которые сегодня пущены во власть, и по сравнению с которыми нравственностью обладает даже крышка от унитаза – они на чем воспитывались? На «Вишневом саде», на «Преступлении и наказании», на «Капитанской дочке». Береги честь смолоду, тьфу. И даже если они терпеть не могли угрюмую и назидательную школьную литературу, то наверняка читали под партой Булгакова и Стругацких. Нет в России сегодня во власти человека в возрасте под пятьдесят, который бы не уронил слезу над «Мастером и Маргаритой», «Над пропастью во ржи» и не восхитился бы «Пикником на обочине». Нет сегодня в России во власти человека, руки которого не

были бы по локоть в деньгах или дерьме, что, в рамках современной национальной парадигмы, примерно одно и то же.

То есть Пушкин, Толстой, Достоевский – никакие не учителя, а отобранные властью авторитеты, играющие в жизни ту же роль, что и каменные львы у особняка вельможи. «Пушкинтолстойдостоевский» – это продукт централизованного распределителя. А альтернативный список (где, условно, Солженицын, Платонов, Бродский, и который на моих глазах превратился в список официальный) – это продукт фрондерствующего ума, состоящий в желании видеть у особняка вместо львов скульптуру Генри Мура или Осипа Цадкина, при этом не подвергая сомнению систему, где есть место вельможам и особнякам. Наша оппозиция так и ненавидит власть, что боится от нее оторваться. Она бы, несомненно, хотела видеть во власти немного других людей – более европейских, милосердных, меньше ворующих или пацанствующих, вообще эстетически других – но ужасно не хотела бы лишать власть сакральности. В книге журналистки Елены Трегубовой «Записки кремлевского диггера» есть прелестный эпизод. Елена входила в кремлевский журналистский пул, знакома была с сильными мира, ужинала в японском ресторане с Путиным, а потом за длинный язык пострадала, причем всерьез, и однажды обнаружила в своем подъезде бомбу, после чего уехала по обычному русскому маршруту в Лондон, за что ее не упрекнуть... Ну, а в пору, когда она еще запросто ела с Путиным сашими, она как-то

раз проспала рейс, и, понимая, что непоправимо опаздывает на самолет, позвонила Борису Немцову, пребывавшему в вице-преьерах. И Немцов, на джипе с мигалкой, повез девушку в аэропорт чуть не по встрече, – и, ура, успел. То, что никому не гоже гонять с нарушением правил движения; то, что проспавший рейс человек должен покупать новый билет; то, что про случившийся конфуз лучше помалкивать, ибо, как минимум, подставляешь своего спасителя, – автору оппозиционных текстов в голову не пришло. Тут эстетическая оппозиционность: Немцов лично за рулем – хорошо, а тысяча чиновников с шоферами и мигалками – плохо...

Впрочем, это я отошел в сторону от темы, хотя и недалеко.

Идея стандартизированного распределения – когда перед виллой непременно по льву, и в саду фонтан в виде девушки с кувшином – у нас распространяется и на искусство, а точнее, на жанры. Высокие жанры – литература, живопись, театр (где Большой всегда главнее Малого); так повелось, так одобрено. А вот сообщения в твиттере, видеоарт, уличные инсталляции или какая еще хрень, вроде группы «Война» – это хрень и есть.

На художественную литературу, на то, что в английском очень точно называется словом *fiction*, «фикция», «вымысел», в России вообще навешено ярмо формулирования смыслов, хотя литература, как и театр, как и кино, вещь эмоциональная, это все такие доступные наркотики, быстро и качественно переводящие в иную реальность, причем с ми-

нимальным отходняком. Прочитав «Живаго» или посмотрев «Трехгрошовую» в постановке Серебренникова, можно испытать сильное потрясение, можно сопоставить иную реальность со своей жизнью, и этой разностью потенциалов зажечь, как искрой огонь, новый смысл, – но собственно практического смысла, который можно применить к своей жизни, объяснить происходящее, на основании которого можно сделать прогноз, в литературе и театре столько же, сколько в живописи или скульптуре.

Прямым формулированием смыслов занимается не искусство, а наука, от философии и математики до, не знаю, геологии и энологии. Они превращают царящий хаос в систему. Менделеев с точки зрения разума куда более значителен, чем Пушкин. И если мы живем в стране, где не знать Пушкина стыдно, а периодическую систему элементов не знать можно, – это значит, что Пушкин используется как прикрытие.

Например, как прикрытие той простой вещи, что не может в стране быть никакой национальной идеи, что все «национальные идеи» – это выдумки лакеев, обслуживающие даже не власть как таковую, а вполне конкретных людей, стоящих у власти. У стран не бывает идей. У стран не бывает смыслов. У стран бывает эстетика – эстетика свободы в США, гедонизма во Франции – позволяющая людям индивидуально определять и находить собственные идеи и смыслы (я где-то прочитал довольно точное замечание, что если русский интеллектуал ставит вопрос «В чем смысл жизни?», то евро-

пейский интеллеktуал задается принципиально другим вопросом: «Если факт конечности жизни доказан, то какими смыслами я могу ее наполнить?»)

Не надо искать национальную идею.

Не надо биться лбом о поиски общего смысла.

Не надо видеть в литературе учителя жизни – чему может научить «Анна Каренина», кроме идеи, что жизнь в браке может быть несчастлива, но вне брака счастья и вовсе нет (в этом и без Толстого убеждены девять из десяти разведенных русских женщин?)

Наделение литературы несвойственной ей функцией – это трюк, позволяющий прикрывать собственную слабость, нежелание упорядочить хаос, нежелание искать собственный смысл, хотя бы и профессиональный. Идея, что всякий приличный человек должен прочесть Чехова, привела к тому, что у нас любой сантехник рассуждает о «Каштанке», но ни один не может быстро и качественно починить унитаз. Наделение отечественных писателей функцией носителей национального самосознания – это прикрытие провинциальности нашей страны, оторванности России от глобальных мировых процессов.

Хотите понять, как идет мировой литературный процесс? Загляните в список последних двадцати нобелевских лауреатов в области литературы – вам как, лауреатские имена, от Видиадхара Сурадхипрасада Найпола и Имре Кертиса до Герты Мюллер и Марио Варгаса Льосы, известны? Вы хоть

строчку у них прочли?

Хотите найти собственный смысл, то есть собственную цельную картину мира? Читайте, но не финалистов «Букера» или «Большой книги», не Найпола или Льосу, а Хокинга, Хантингтона, Дюмона, Докинза, Делеза, Даймонда, Пайпса, Фалаччи, Болла, Блэкмор, Бадью, Брюкнера, Шеннана, Фукуяму (ну, и сколько имен из перечисленных вам опять же известно? – могу накидать еще пару десятков). А тут уж люди напрямую работают со смыслами, от квантовой физики до истории!

Следует ли из этого, что Пушкина следует в очередной раз сбросить с корабля современности, а Сорокина спустить в канализацию, как это уже проделывало движение «Идущие вместе»?

Да боже мой, конечно же, нет! Нет ничего утешительнее чтения стихов во время депрессии. И я получал тончайшее наслаждение, читая сорокинское «Голубое сало». Просто я сейчас о другом. В той компании, где мы скидывались на ридер, люди разных профессий – винный торговец, глава автосервиса, торговец тканями, ресторатор... Все они – профессионалы высокого ранга, и я этому искренне радуюсь. Чтобы стать таковыми, им пришлось перелопатить море информации. В том числе и письменной. Просто они этот процесс не называют чтением. Чтение для них – это когда Пелевин или Уэльбек.

Я хочу сказать, что мои отношения с ними – и мое без-

условное уважение к ним – не основывается на их эмоциональных пристрастиях, на том, любят они Рокуэлла или Веласкеса, предпочитают односолодовый шотландский виски или новозеландский совињон блан. И уж тем более не на том, читают они fiction или нет, потому что даже вторую свою функцию – создание культурных кодов, системы распознавания «свой – чужой» – художественная литература в наши дни выполняет все хуже и хуже, и слава богу, потому что много других распознавательных систем, а разнообразие витально.

И я рад этому процессу – десакрализации художественной литературы, потому что за этим стоит постепенная десакрализация Верховного Распределителя, этой столь утешительной для многих и столь вредной для развития страны идеи. Толстой как моя личная функция в миллионы раз выше Марининой или Бушкова, но как современная общественная функция он в разы ниже романов типа «Как я влюбилась в начальника», позволяющих женщинам с советским конторским прошлым адаптироваться к офисной реальности (так, кстати, и мыльные оперы позволяют нашим мамам и тещам примириться с действительностью, так и Зюганов выполняет роль мыльного опера для тех, кто верит, что коммунизм – это когда всюду честные милиционеры).

А книги с сюжетом, с героями, с хорошим языком – это игра. Просто игра в бисер. Я эти игры обожаю. Изощренный ум без такой игры никогда не обойдется.

Но, мне кажется, изощренный ум и не будет этим кичиться.

2011

5. Правила глянца// О том, как гламур заменяет отношений людей на отношения вещей

**(Опубликовано в «Огоньке» под
заголовком «Гламур в оппозиции»
<http://kommersant.ru/doc/1637447>)**

Любой цветок когда-нибудь увянет. С другой стороны – когда б вы знали, из какого сора растут цветы или стихи... В общем, так: на идею написать про русский глянец меня навел академик Сахаров.

Объясню: Сахарову 21 мая 2011 года исполняется 90 (великие люди продолжают жить и после смерти). Я готовился к эфиру по этой дате (у меня программа на канале «Со-всекретно») и, готовясь, читал сахаровский текст, написанный в 1968-м. Текст назывался «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (если честно: я отвлек от такой старомодной стилистики).

Там речь шла о нескольких угрозах человечеству. О пер-

вой было легко догадаться (угроза термоядерной войны – первой войны, где меч заведомо сильнее щита). Второй угрозой было исчерпание ресурсов, голод. А третью угрозу – ни за что не догадаетесь! – правозащитник, академик, создатель термоядерной «сахаровской слойки» видел в массовой культуре.

Я в первую секунду хохотнул – интересно, как себе представлял «массовую культуру» советский ученый в брежневскую пору (когда «маскультура» была синонимом «гнилого Запада»)?! А потом прочитал текст еще раз.

Сахаров в 1968-м писал, что нам грозит «оглупление в дурмане массовой культуры и в тисках бюрократизированного догматизма». К 2011-му, готов поклясться, пророчество сбылось: маскульт и бюрократизированный догматизм демонстрируют трогательный союз.

Оглянитесь вокруг: единственная сфера, которая сегодня не регулируется ни Кремлем, ни из Белым домом, на которую не наезжает «бюрократизированный догматизм», сиречь автократия, – это сфера массовой культуры. Под которой я подразумеваю никакую не попсу, а хорошо структурированное потребление, с религией шопинга, с кафедральными соборами гипермаркетов и часовнями бутиков, с профильной литературой от дамских романов до глянцевого журналов, – ну и, да, с Филиппом Киркоровым и группой «Блестящие», поющими на клиросе. (А если сравнение претит, давайте напишу: «с Эрмитажами гипермаркетов и вер-

нисажами бутиков»... Наталья Медведева в «Мама, я жулика люблю» писала, как в эмиграции в Америке ее муж, похиживая, предлагал пойти на экскурсию в «музейчик», как он называл супермаркет, – Наталью, правда, это выводило из себя и, в конечном итоге, привело к разрыву...)

Даже если вы бесконечно далеки от шопоголизма, посетите как-нибудь выходным днем торговый центр типа «Мега».

Я помню, как мы с женой заехали туда впервые, и мне открылись гектары торговых площадей, заполненных проводившими там целый день блаженными адептами потребления, удовлетворявшими все жизненные потребности разом: отовариться, пообедать, отправить детей на площадку к клоунам и покататься на катке.

«Именно так я представляю себе ад», – сказал я ошеломленно.

«Именно это для большинства является раем», – резонно заметила жена.

Почему ад? Я не против катка, разумеется. Просто пространство шопинг-молла не было общественным, как городская площадь. Оно было огромным частным пространством, замаскированным под общественное, которым отсекались любые персональные интересы, кроме потребительского. Это было крупномасштабной действующей моделью национальной идеи, вполне удобной власти, – в силу контроля и предсказуемости.

Площадь ведь непредсказуема одним тем, что принадле-

жит всем и никому, площадь готова создавать неожиданные идеи и смыслы. Вот почему при малейшем намеке на выход на площадь (неважно, кто выходит – музыканты, флэш-моберы или протестующие демонстранты) власть беспощадно кошмарит всех. В Китае, мне говорили, пошли еще дальше, проектируя новые города без площадей – лишь улицы и перекрестки...

Идеология жизни как процесса потребления прекрасно себя чувствует и на Западе, но там она является темой изучения и описания (почитайте «Современную рекламу» Бове и Аренса или «No Logo» Кляйн), поэтому одну не очевидную для нас вещь должен заметить.

Вне религии шопинга – то есть идеологии постоянно растущего, брендированного, гламуризированного, показного потребления – современное производство просто рухнет. Вне этой религии человеку нужны куртка на зиму и сандалеты на лето, но в рамках религии никакое количество курток и сандалет не является окончательным. К окладу живописной иконы всегда можно добавить еще один камушек – какой бы дикостью, с точки зрения здравого смысла, украшение разрисованной доски ни казалось атеисту.

Я сам был когда-то маленьким жрецом этого культа, главредом мужского глянца, и жил по этим законам. Правда, я не знаю, насколько эти законы очевидны пастве. Закон первый – в мире глянца нет смерти и немощной старости (редкие и, что называется, «резонансные» смерти, которые нель-

зя замолчать, подаются не как смерти, а как события сродни падению метеорита). Закон второй: когда глянцевые люди болеют, они не ходят с распухшими красными мордами, – а направляются с улыбками за гарантированным исцелением к правильному врачу. (Лет десять подряд в русском глянце определяющим слово было «правильный». «Правильный городской автомобиль». «Правильная школа для ребенка». «Правильный шоппер» (это не человек, а такой неудобный баул без плечевого ремня, смысл которого не в складировании покупок, а в демонстрации правильности).).

Закон третий: глянцевые герои всегда сексуальны (отсюда столько голяка в рекламе, утрамбовывающей в модном журнале его самую лакомую первую треть; реклама размещается либо разворотами-спредами, либо вклейками-инсертами, либо строго на нечетной странице. Взгляд на странице справа задерживается дольше – рекомендовано лучшими собаководами).

Закон четвертый: сексуальность – самодостаточна, глянцевые люди не занимаются сексом (хотя бы потому, что сексуальность повышает продажи, а секс отвлекает от продаж и приводит к нежелательным беременностям или использованным презервативам, вид которых, с точки зрения производителя презервативов, не создает привлекательного образа продукта). И, сразу, пока не забыл, закон пятый: в глянце не существует использованных, старых вещей, иначе как на эстетских черно-белых фото, где они переходят в новую,

винтажную категорию глянца.

Правило запрета на секс при поощрении сексуальности выкидывает порой забавные фортеля. Когда в мужском журнале FHM номер посвятили анальному сексу, это не вызвало протеста рекламодателя, потому что слово «анальный» имеет отношение к сексуальности и способствует продажам (как минимум, нижнего белья), – но когда в этом номере опубликовали нецензурированные дневники тех, кто практиковал этот секс, и снабдили похабными (в смысле, откровенными) снимками, рекламодатели отозвали рекламу чуть ли не на год вперед. Для непосвященных: дневники они бы стерпели. Рекламодатели не читают тексты – им некогда – но обращают внимание на картинки и заголовки. Идеальный заголовок должен быть двусмыслен, остроумен, сексуален, но не оскорбителен, типа «12 способов, как придумать в постели 13-й».

Глянец, если обобщать – это система перевода языка людей на язык вещей, своего рода сурдоперевод. Высшим достижением которого, с моей точки зрения, является журнал для миллионеров Robb Report, где фотографий людей нет вообще. Так что я иногда себе представляю, что это журнал сразу для яхты Дерипаски, читающей новости про яхту Абрамовича.

Почему я в глянце работал? Меня восхищало его просветительское, адаптивное свойство, умение примирить бедную девочку, для которой разорителен шопинг даже в Zara, с миром, где сумочка от Jane Birkin стоит 5 тысяч евро (и нужно

еще четыре года ждать). И его дружелюбие, с каким прыщавого юнца знакомят с мужской косметикой, где, представьте, существует не только «мягко отшелушивающий утренний скраб», но и сыворотка, глина и даже сера для лица (нет-нет, мальчик, от нее не пахнет серой!). Или объясняющая клерку, что название вот этих часиков за двадцать тысяч (не рублей) правильно произносится «Таг хОй-ер».

В общем, оценка журнала *Cosmopolitan* как «журнала для секретарш, мечтающих стать женами боссов», звучала для меня скорее положительно.

Пока я не сообразил, что это не адаптация, а инициация (и, боюсь, что и пенетрация) людей миром вещей. Имеющая, кстати, довольно темную смысловую изнанку, раскрытую Пелевиным в «*Empire V*»: «Ничего не бывает убогим или безобразным само по себе. Нужна точка соотнесения. Чтобы девушка поняла, что она нищая уродина, ей надо открыть гламурный журнал, где ей предъявят супербогатую красавицу... Это нужно, чтобы те, кого гламурные журналы превращают в нищих уродов, и дальше финансировали их из своих скудных средств!..»

Смысл идеологии глянца в том, что отношения между людьми заменяются отношениями между вещами; вещами заменяются и мысли, и чувства, и каждый раз вещей не хватает, потому что для выражения мысли даже средней сложности не хватает всех сумочек *Hermes*.

Впрочем, я бы никогда не стал рассуждать на эту тему,

несмотря ни на какие юбилейные даты (кто умен, тот дойдет до всего сам, а пенетрированному и так хорошо), когда бы не история, продолжающаяся в России уже довольно долго с двумя образцово-показательными, флагманскими мужскими журналами. Вопреки еще одному закону, требующему от глянца держаться подальше от всего социального, политического и научного (от всего перечисленного рекламода- шарахается примерно так же, как реального секса), в одном журнале собрали в качестве колумнистов весь цвет оппозиционно-критической мысли, от Эдуарда Лимонова до Евгения Киселева, от Григория Ревзина до Дмитрия Быкова, а в других текстах – что еще более невероятно – выработали стиль отношения к кремлевской политике как к нечто неприличному, вроде запущенного триппера, на который не существует «правильного» врача (именно в этом журнале гламурная девушка Ксения Соколова назвала тех, кто судил Ходорковского, «унылым говном»). А в другом журнале рассказывают о системе взяток в медицинских вузах страны, публикуют календарь милицейского произвола, печатают с продолжением критически-теоретические очерки институциональной экономики профессора Аузана, дискутируют о кривой Гаусса и нелинейном распределении Парето, – а что до высокой политики, то главред журнала о ней высказался посоколовски: «Любой небоскреб из дерьма в один весенний день просто развалится на части, хотя трудолюбивые строители небоскреба и продолжают нахваливать его красоту и

надежность».

И мне эти глянцевые журналы, называющиеся GQ и Esquire, невероятно нравятся, но самое удивительное, они и правда ломаются от рекламы, хотя, по идее, рекламодатель от них давно должен был сбежать, бормоча под нос что-нибудь «о нарушенных правилах игры», как всегда бормочут трусы. Не бежит, однако. Не дрейфит. Даже заигрывает.

То есть сетка масс-культурного форматирования, набрасываемая на наш мир, имеет не такую уж и мелкую ячейку – скорее, это мы, думая, что она в мелкую ячейку, добровольно затягиваем узлы. А если не шугаться, можно раздвинуть решетку достаточно широко, чтобы думать, действовать и знакомить формируемых людей с тем, как именно их формируют.

Хотя возможно и другое объяснение – что культурные революции, случаясь они в музыке, политике, живописи или, вот, в глянце, никогда не совершаются теми, кто выполняет правила, радуясь тому, что хорошо их знает, и что ему хорошо за это платят. И что порой те, кто идет против всех правил, ставя поиск истины выше, в этих революциях побеждают.

Тогда получается, что у нас не все безнадежно.

2011

6. Старики, разбойники// О том, что беззаботной старости у нынешних работающих не будет

**(Опубликовано в «Огоньке»
<http://kommersant.ru/doc/1650606>)**

Недавно на записи одной телепрограммы участники пришли к выводу, что накопительные пенсии терпят крах. Причем во всем мире. Я бы сформулировал еще жестче: мечтаешь о сытой старости? Забудь о пенсиях, становись геронтократом, дави молодых!

Программа называлась «Отражение» и записывалась на питерском телеканале «100ТВ» – по-моему, это единственное в Петербурге телевидение, которое не боится пускать меня на экран, зная мое отношение к губернатору Матвиенко (и главное – ее ко мне). А тут в едином мнении по поводу пенсий сошлись такие разные люди, как отец-основатель «Яблока» Болдырев, депутат-единоросс из местного заксобрания и ваш покорный слуга.

Здесь важно вот что сказать (и я на записи примерно это и говорил). Я когда-то был отчаянным либералом, считавшим,

что накопительная пенсионная система, существующая в западном мире, благодаря которой к гарантированному пенсионному пайку получаешь весомую персональную добавку, размер которой лишь от тебя зависит, спасет Россию. Спасет, по крайней мере, от превращения в страну бабок и дедок, намертво привязанных к собесам, чего-то там талдычащих про стаж, Советский Союз и делящих пакет крупы на неделю еды. Заработал, подумал, вложил, позаботился, при выходе на покой снял урожай – да что же тут непонятно?! И я дико злился на тогдашнего социального министра Зурабова, который вел со мной душевные разговоры о пенсионной реформе – предусматривающей деление на распределительную и накопительную часть – а потом коварно обманул, отдал накопительные права лишь тем, кто 1967 года рождения и младше. Такой мужчина, такой технократ, такие замечательные ботинки, костюм и аргументы – и такое коварство!

А теперь вот злобы никакой.

Зурабов спас меня от напрасных иллюзий.

Потому что при темпе инфляции в 10 % пенсионные фонды должны вкладывать деньги либо в проституцию, либо в наркотрафик, чтобы опередить рост цен и хоть что-то сберечь: сейчас средняя доходность российских пенсионных фондов составляет 6,6 %. А значит, распределительная система – единственное, что в России остается, и можно обсуждать лишь детали: например, установить возраст выхода женщин на пенсию в 60 лет или все же в 65 («Нельзя повы-

шать возраст в стране, где люди не доживают до пенсии!» – взревел при этих словах какой-то пенсионер в зале. Я с интересом посмотрел на мертвеца. Окружавшие его пенсионерки, согласно статистике, проводили на пенсии целых 18 лет – это европейский рекорд. Я на всякий случай не стал говорить, что, если верить глухо просачивающимся из-за кремлевской стены сведениям, с 2012 по 2015-й год, когда Путин вновь станет президентом, а обреченным на заклятие премьер-министром будет да хоть Михаил Прохоров, именно такая, непопулярная, жесткая, с постепенным и непременным повышением пенсионного возраста реформа и будет проведена – а затем еще три года Путину понадобятся, чтобы зачистить за уволенным премьером территорию и похоронить всех навешанных на него собак).

От анонса неприятного прогноза меня спас Юрий Болдырев (к имени которого навсегда приклеен ярлык «основателя «Яблока» и «политика», какую бы должность он ни занимал). Он весьма кстати напомнил про мировой кризис накопительных пенсионных фондов. Эти фонды, в силу особой социальной ответственности, обязаны вкладывать деньги в бумаги высшей степени надежности, AAA, «трипл эй», а к таковым неизменно относились долговые обязательства США. «Относились» – потому что, например, крупнейшее рейтинговое агентство Standard amp; Poor's уже заявило о возможном снижении рейтинга этих обязательств, а значит, о последующем падении их цены, – и, выходит, косвенно

предупредило всех и о падении накопительных пенсионных выплат: фонды, а вместе с ними и пенсионеры, ожидаемо обеднеют.

Зал выслушал научную часть доклада в гробовой тишине. И поступил разумно, поскольку информация Болдырева была лишь вершиной айсберга.

Я довольно давно (и отчасти ошарашенно) понял, что во-все не «западная», «европейская», «панатлантическая», то есть двух– или трехуровневая пенсионная система (распределительная + накопительная + корпоративная) была производителем тех счастливых пенсионеров в цветастых шортах, что куролесят по всему миру.

Во-первых, составляя (в среднем) 40 % от зарплаты, их пенсия была не так уж и велика, поскольку западный средний класс – он действительно средний, ничуть не шикарующий, экономящий каждый цент, планирующий и соблюдающий личный бюджет. \$2000 в месяц, презируемые в Москве, в США считаются нормальной зарплатой (при том, что у нас сумму дохода неизменно считают «чистыми», а у них «грязными», до налогообложения). И я помню, как три года назад, после ипотечного кризиса, прочел в какой-то газете в Новой Англии с жаром написанную заметку про становление у местных жителей традиции «muscle day», «мускульного дня» – это когда раз в неделю они оставляли машины в гаражах и садились на велосипеды. В месяц получалось что-то \$17-\$20 долларов экономии. «Негусто», – заметил я мест-

ному сопровождающему. «Двести долларов в год, – отозвался он. – А за десять лет...» – и я осекся. Мы с ним вообще вволю потрепались об особенностях местной жизни («средний класс – это тот, кто может позволить себе медицинскую страховку» – сказал он), и о пенсионной системе в частности, и он сказал, что пенсионеры так радостно улыбаются не от размера пенсий, а от того, что выплатили весь моргедж, то бишь ипотеку за дом. Для выхода на пенсию требуется наработать 35 лет стажа, а ипотека берется обычно на 25, а то и на 30 лет – вот и получается, что всю жизнь ты вкалывал и выплачивал, и только на покое над тобой не висит долг. Я, опять же, хмыкнул, потому из-за кризиса цены на недвижимость рухнули чуть не вдвое, и за \$100 тысяч с небольшим можно было найти домик с четырьмя спальнями недалеко от океана (под Москвой столько стоила собачья будка) – но мой Вергилий по Новому Свету возразил, что, когда эти дома покупались, они стоили, по нынешним представлениям, вообще копейки. «Богатые старики держат бедных молодых за горло», – он выразился не вполне так, а куда более неприлично, но я всерьез задумался над тем, от чего прежде отмахивался: о новой геронтократии, о связи современной экономики с физическим возрастом.

То есть над тем, что на Западе удлинившаяся, благодаря медицине и просто культуре ухода за телом, жизнь стала давать в итоге преимущества, недоступные самым энергичным молодым – если, конечно, в пору своей молодости старики

удосужились задуматься о старости.

Геронтократы – это пожилые, ныне правящие миром. Но сегодняшняя западная геронтократия – иное явление, чем правление стариков по типу брежневского политбюро. Современная геронтократия – это феномен парадоксального роста находящихся в руках стариков акций, бизнеса, недвижимости, который создает им не просто преимущества перед работающими молодыми людьми, но недостижимые преимущества. Помню, некогда в Лондоне я был потрясен, узнав, что мама английского коллеги получает пенсию в 250 фунтов (нынешние 12500 рублей). Я тогда вообще много чем в Англии был потрясен – и стаканчиками кофе с крышечками, продающимся навывнос, и открытием, что моя зарплата, \$50 тысяч в год, уходит почти вся на налоги, транспорт и жилье, представлявшее собой комнату в общежитии с удобствами в коридоре, на полу которой теннисный мяч начинал катиться. «Ты маме помогаешь?» – спросил я коллегу абсолютно в русском духе, готовясь сочувствовать: его зарплата не сильно обгоняла мою. Но он, усмехнувшись, ответил, что его мама – богатый человек. Квартира в Лондоне, дом в Оксфордшире. Сдаёт и то, и другое, а сама живет на вилле в недорогой Испании, – там, кстати, и климат лучше.

И вот тогда, памятуя про любопытную Варвару, я сунул нос в пенсионерскую экономику и обнаружил удивительную вещь: старики питались кровью молодых. Простейшие расчеты показали, что лондонец со средним лондонским до-

ходом никак и никогда не мог купить средней лондонской квартиры (аналогично, кстати, в Париже и в Москве. Средняя зарплата в Москве 38 тысяч рублей. Банк не выдаст ипотечный кредит, если надо выплачивать больше трети дохода – для двоих это 25 тысяч рублей в месяц. Хорошей ставкой по ипотечному кредиту являются 15 %. Возьмите калькулятор и сосчитайте, когда средняя московская семья полностью расплатится за кредит за «трешечку» в Жулебино ценой 6 миллионов. Должно высветиться «никогда»).

Так происходит оттого, что люди стали жить долго, и квартиры в их собственности стали находиться тоже долго, – так долго, что, дорожая быстрее инфляции, с годами превратились в сверхтовар, производящий рентный капитал. Ну, разделите мысленно все товары на амортизируемые (просто товары) и растущие в цене (сверхтовары). Первые – это одежда, автомобили, техника. Вторые – недвижимость, драгметаллы, иногда акции и предметы искусства. Даже если в стране нулевая инфляция, она отражает сумму разного изменения стоимостей: удешевления просто товаров и удорожания сверхтоваров. Допустим, сверхтовары дорожают на 3 % в год. Уже на второй год образуются проценты на проценты, а через четверть века стоимость удваивается. В результате же невиданного прежде массового удлинения жизни старики превращаются в собственников-миллионеров, стригущих купоны с недвижимости, акций и проданного на аукционе Ван Гога. А молодые довольствуются Ван Гогом в музее и

горбатятся на пожилых, – в надежде, что, когда станут пожилыми сами, будут точно так же эксплуатировать молодых. Кстати, горбатиться молодые должны и потому, что богатых неработающих стариков все больше, а бедных трудоспособных молодых все меньше. (Тут на записи телепрограммы неожиданно включился депутат от «Единой России», сказав, что в питерском заксобрании процентов 80 депутатов – миллионеры или, бог его знает, миллиардеры, так что лично он за идею отмены депутатских спецпенсий: эти пенсии всех раздражают, но никого из этих миллионеров не спасают).

И вот эта-то собранная к старости собственность – она и есть настоящий пенсионный капитал. Потому что даже «однушечка» в панельном доме в спальном районе, сдаваемая на лето, проводимое в садоводстве, дает куда более надежный доход, чем любая пенсия в результате хоть самой прекрасной реформы.

И получается, что кто не успел, тут опоздал. И жить – и планировать жизнь – нужно так, как будто и не будет никогда никакой пенсии. И на этой оптимистической ноте съемка программы закруглилась, плавно перейдя в песню в исполнении квартета довольно лихих ленинградских бабушек – с укладками, на каблуках, в замечательных концертных платьях с позвякивающими медалями на груди.

А я, выйдя на улицу, хлопнул себя по лбу, потому что не успел сказать самое главное, – не имеющее, впрочем, никакого отношения к экономике.

Не успел сказать, что глупо измерять возраст оборотами планеты вокруг солнца. Жизнь – она ведь все же не балерина, к всеобщей радости и под немой счет зала крутящая фуэте. Куда разумнее измерять жизнь по степени интенсивности, что ли, по числу знаний, переживаний, вообще пропущенной через себя, переработанной и выпущенной наружу информации. Я давно заметил, что у людей, проживших жизнь горячо и навзрыд, отсутствуют не просто сетования на судьбу, бедность, невнимание, но и страх старости и смерти. И наоборот. У бедных стариков всегда как-то непропорционально много старых вещей, каких-то баулов, коробок, ведер, тазов, кастрюль: они держатся за них, не решаясь выбросить, потому что те играют роль свидетельств, квитанций, накладных, подтверждающих, что действительно жили – потому что больше нечем подтвердить. Как ни грустно это писать.

А интенсивно живущий человек, по идее, старость не слишком замечает, – посмотрите на любого так живущего. Я, вон, записывал передачу с актером Михаилом Козаковым где-то за полгода до его смерти. Он был болен, полуслеп, держал спину прямо, все понимал, пил коньяк, шутил. В буфете мы говорили о Давиде Самойлове, Козаков рассказывал, как встретился со своей последней, совсем юной женой. Он выступал в провинции, гастролировал, так познакомились. Потом поехали в ресторан. Потом в гостиницу к нему. Потом в Москву. В Москве у Козакова в результате всех жизненных

перипетий была маленькая «двушечка» где-то на окраине, с дурацким подъездом, устроенным так, что если куришь на лестнице, дым затягивает внутрь квартиры.

«Ужасно как, – кто-то сказал, когда Козаков уехал. – Панельный дом на окраине... А не особняк в Майами».

А по-моему, ничего ужасного: на что теперь Козакову на том свете этот особняк? А так – остались «Безымянная звезда», «Покровские ворота» и старый-старый фильм «Убийство на улице Данте» с невысказанно красивым Козаковым-актером, после которого он стал популярен, как Гоша Куценко, помноженный на Ивана Урганта, и даже больше, потому что стал иконой стиля, когда бы только тогда в Советском Союзе разрешали иконы. А смерти он не боялся. И сколько у него в старости денег было, и сколько квадратных метров, – было видно, что ему тоже плевать.

Отлично прожившего жизнь человека вообще не должно пугать, что, когда он умрет, он него вполне могут остаться лишь тело да флэш-карта с архивом.

Впрочем, в эпоху интернета можно обходиться уже и без флэш-карты.

2011

7. По моему хотению// О том, что идея печати по требованию в России вряд ли выполнит свои задачи

**(Опубликовано в «Огоньке»
<http://kommersant.ru/doc/1663625>)**

Информационная революция должна ликвидировать дефицит информации (а на дефиците многое держалось и держится. Например, власть). Вот как происходит (или не происходит) новый этап ликвидации.

Влажным жарким июнем 2011 года, когда дожди и солнце после холодной весны заставили, наконец, русскую природу разродиться обильной и пышной зеленью, женщина по имени Марина Каменева вбила очередной гвоздь в крышку традиционного российского книгооборота, объявив о том, что книжный магазин «Москва» начинает print on demand.

Собственно, те, кто знает, кто такая г-жа Каменева и что означает print on demand (а означает «печать по требованию»), могут с чистой совестью хмыкнуть и перелистнуть

страницу.

Однако мне хочется посвятить директору магазина «Москва» Марине Ниловне Каменевой пару абзацев, поскольку ее судьба достойна сюжета если не романа и повести, рассказа в духе Татьяны Толстой. История Каменевой – это история о том, как женщина, не претендующая на роль ни интеллектуалки, ни даже, кажется, книгочейки, настолько влюбилась в книги, писателей, издателей, и читателей, что создала лучший в стране книжный бизнес (то есть такой, где главное – идеал, идея, а прибыль, доход, деньги суть лишь инструменты). Это Каменева первой в России сделала доступ к полкам с книгами открытым. Это Каменева первой стала торговать до часу ночи. Это Каменева первой начала продавать аудио– и электронные книги, это она стала устраивать даже не встречи, а вечеринки с писателями, это она превратила советский магазин в светский клуб, где гламурных персонажей сегодня не меньше, чем на летней террасе московского гастрокафе Ragout. По большому счету, Каменева популяризирует чтение точно так же, как Ольга Свиблова популяризирует фотографию, а основатель Ragout Алексей Зимин – гастрономию.

Ну, и, вот, Каменева логично пришла к идее print on demand, родственником которой (какого?) является video on demand, видео по требованию. В родителях у обоих – информационная революция, смысл которой не только в мгновенном информационном обмене, но и в том, что информа-

ция и ее носитель живут отдельными жизнями. «Книга» – это уже не обязательно фолиант (5 тысяч томов в моей домашней библиотеке занимают 4 огромных стеллажа, но в мой ноутбук вбито 100 тысяч книг, а в каталоге print on demand содержится 470 тысяч). «Фильм» – больше не кассета, не диск и не время в телепрограмме (кино теперь можно заказывать в любое время, а также останавливать, повторять и проматывать вперед).

И вот я в кабинете Каменевой: сама хозяйка в отъезде, но меня по ее просьбе любезно принимает ее заместитель Екатерина Мосина. И мы говорим о том, что с книготорговлей сегодня в стране происходит то же, что и с торговлей другими товарами: крупные сети хотят иметь дело с крупными поставщиками, на фоне чего шансы малявок падают. Печальны шансы фермера, у которого пара дюжин коров, пусть и отборных пород. Печальны шансы издателя, если он не найдет среди рукописей бестселлер. Печальны шансы читателя, если он ищет книгу, изданную лет пять назад тиражом в пару тысяч экземпляров: новый тираж допечатывать никто не станет. Особо печальны шансы читателя в регионах, и откровенно безнадежны – читателя, не имеющего выхода в интернет, где всегда можно сыскать пирата, а точнее, Робин Гуда, отсканировавшего нужный текст.

– Печать по требованию, – говорит Мосина, – это возможность получить книгу, которой нет в продаже, и при этом не нарушить авторских прав.

– Там должны будут обнаружиться странные ниши, вроде неизданных партитур, – говорю я.

Искусствовед Мосина на секунду задумывается, потом кивает, соглашаясь, но уточняет:

– Печать по требованию вообще рассчитана на книги для специалистов. И еще – на книги на иностранных языках. Вот в США только что вышла автобиография Марка Твена: он завещал не публиковать ее сто лет после смерти, теперь срок истек. Понятно, что уникальная вещь! Но книга на английском, дорогая, и непонятно, сколько человек в России ее купят. То есть мы невероятно рискуем, закупая бумажную книгу, и понятно, что закладываем риск в цену. А если печать идет по требованию – никаких рисков...

Сам магазин «Москва» книг не печатает: оборудование занимает слишком много места. Но он заключил договор с компанией, которая так и называется, «Книга по требованию», имеющей, в свою очередь, договоры с издателями. Через 5 дней после заказа отпечатанная, в обложке из плотного картона, книга, ничем не отличающаяся от «настоящей», поступает к заказчику. Индивидуальный тираж обходится примерно на четверть дороже массового – но, повторяю, в том-то и штука, что в продаже этих книг нет.

Мы смотрим на список первых заказов (33 книги за первый день). Сборники рассказов Достоевского (романы классика переиздаются без проблем, а рассказы ищи-свищи). Трехтомник «Коллекционирование холодного оружия тре-

тьего рейха». Семь книг описаний путешествий Хвостова, Давыдова, Головнина, Обручева; два тома писем Толстого жене; четыре книги Мережковского; Чжуан-цзы и Соловьев со «Смыслом любви» и «Русской идеей», пара книг по истории... Еще не статистика конечно, – но уже подтверждение нашей идеи. И я прощаюсь с Екатериной Мосиной в лучших чувствах, и мы говорим напоследок, что в недалеком будущем отделения print on demand станут принадлежностью торговых центров, вроде химчисток или ремонта обуви, которые, если обратили внимания, располагаются всегда у входа: сдал почистить пиджак, заказал в печать «Меметическую машину» Сьюзан Блэкмор – и, возвращаясь с шопинга, забрал.

Это мы так друг друга красиво обманываем, а уж если совсем честно, то врем. Потому что так, к сожалению, не будет. И вот почему.

Один из колоссальных пробелов нынешнего российского знания – это прошедший мимо нас пласт современных западных исследований в области общественных и естественных дисциплин. Граница его отмечена 1962-м, когда американский ученый Томас Кун написал книгу «Структура научных революций», введшую в оборот понятие парадигмы, то есть упрощающей, но объясняющей концепции. С тех пор все книги, касаясь они генетики или политики, футурологии или психологии, экономики или струнного устройства Вселенной, описывают не столько отдельные явления, сколько

парадигмы.

Сначала мы эти книги не прочли, потому что был железный занавес. Потом, когда СССР рухнул, и книги перевели и издали, – не прочли, потому увлеклись погоней за деньгами. А сейчас, когда кое-кто очнулся, – выяснилось, что переиздавать изданное дорого и муторно, потому что нужно заново покупать права. А при мизерных тиражах покупать права – в том числе и на печать по требованию – не имеет смысла, да и западный правообладатель может их не продать, боясь, что электронную копию похитят и выложат в интернете Робин Гуды... А Робин Гуды действительно похищают, потому что иначе не ознакомиться ни с меметической парадигмой (рассматривающей отбор знаний подобно генетическому отбору), ни с полицивилизационной парадигмой Хантингтона... Вообще ни с чем, даже с упомянутым Томасом Куном, скончавшимся в 1996-м – потому что решать, переиздавать ли его книгу в России, наследники Куна имеют полное право вплоть до 2066-го (я проверил: в каталоге print on demand «Структуры научных революций» нет. Там вообще нет переводов ни одной из действительно нужных мне книг, от трехтомника «Русская революция» Пайпса до «Генома» Ридли. Там 409000 книг на английском, 40000 книг на немецком и лишь 21500 книг на русском).

А руководство нашей страны, вместо того, чтобы инициировать мировой глобальный пересмотр авторского, патентного и смежных прав (ограничить их действие 15–20 годами

было бы полезно), собирается бороться с российскими пиратами, то есть лишать меня единственного возможного доступа к информации.

Мне остается довести до сведения всех интересующихся (включая и борцов с пиратством), что авторские, патентные и прочие права – это главный инструмент, посредством которого власть постиндустриального мира сохраняет свою легитимность, принимая эстафету у бывших хозяев жизни, владельцев капитала. По крайней мере, такова новая общественная парадигма с точки зрения шведских ученых Александра Барда и Яна Зодерквиста, изложивших ее в книге «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма».

Книга переведена на русский, хотя, увы, в напечатанном виде раздобыть ее невозможно ни по какому требованию.

«Печать по требованию» – это сегодня в России милая финтифлюшка, которая может и правда помочь коллекционерам оружия или, не знаю, диссертантам, изучающим историю путешествий мореплавателя Василия Головнина. Хорошо, что она появилась. Но на большее – то есть на получение информации о том, как устроен сегодняшний мир и какое место в нем занимаем мы – эта штука не годится.

Хотя человек с компьютером, подключенным к интернету, выход из этого положения найдет.

8. Общество лоялистов// О том, как тяжел выбор между верностью профессии и службой начальству

**(Опубликовано в «Огоньке»
<http://kommersant.ru/doc/1677017>)**

Выбор между служением профессии либо начальнику должен, по идее, совершаться в пользу первой, потому что начальника сменить проще. Однако сегодня в России карьеру на этой идее не сделать.

Вообще-то я преподаю – на журфаке Московского университета. У меня спецсеминар, и на первое занятие набивается человек сто гавриков, а точнее, гавриц (или горлиц? Не суть: просто после уничтожения военной кафедры факультет обезмальчишечел). Думаю, они слышали, что я «добрый препод», то есть всем ставлю зачет. И я рассказываю горлицам про устройство работы журналиста, родственное работе следователя, который обязан собрать доказательства и допросить и ту сторону, и эту, – ну, там масса технологических

и психологических моментов.

Меня не то чтобы самого так учили, но я к такому выводу пришел: нельзя утаивать шило в мешке, нельзя не давать слово тому, кто тебе противен (просто потому, что противен), нельзя говорить «все ясно» – когда ясно только кое-что. Верность профессии, то есть следование определенному алгоритму, боится от ошибок и от стыда, – когда, например, случится разрыв времен, произойдет обвал пород, и обнаружится там скелет, который прятали под носом у всех.

И еще хочу сказать – это важно – что соблазн отступить от алгоритма в пользу высшей справедливости очень силен (вероятно, в любой профессии). Мне, например, до сих пор стыдно, что в 1996-м я считал главной опасностью для страны возвращение коммунистов. И боролся с ними, как мог – хотя нужно было не бороться, а давать слово. Но я давал слово младемократам и не задавал им гнусных вопросов, хотя был обязан – но уж больно мне тогда нравился Чубайс. А вот теперь я печально думаю, что президентская победа Зюганова в 1996-м, которая должна была случиться по справедливости, то есть по преобладающему в стране желанию, была бы замечательным событием. Коммунисты в варианте мягкой реставрации подчистили бы творившиеся безобразия, всякие там итоги предрешенных залоговых аукционов, а заодно избавили бы страну от тоски по коммунизму. Ну, а далее Геннадий Андреевич на волне краха 1998-го мягко уплыл бы в небытие, как олимпийский мишка. И не позо-

рился на старости лет ролью декоративного Бармалея. А так, получается, я ко всему этому бесстыдству тоже руку приложил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.